
Т. А. ЖДАНКО, В. Ю. КРУПЯНСКАЯ, Л. Н. ТЕРЕНТЬЕВА

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(Из опыта работы Института этнографии АН СССР) *

Для этнографической науки на современном этапе ее развития характерно повышение роли обобщающих исследований — в области этногенеза, изучения процессов национальной консолидации, истории хозяйственной деятельности (земледелия, ирригации, скотоводства, ремесел и промыслов), истории общественного строя, становления национальных форм культуры и быта народов. Одной из центральных задач советской этнографической науки является изучение социалистической культуры и быта колхозного крестьянства; впервые в советское время была поставлена задача этнографического изучения быта рабочих различных народов СССР.

В связи с развитием и углублением задач этнографической науки, с одной стороны, и значительным ростом общего уровня науки в национальных республиках и областях нашей страны, — с другой, в настоящее время применяются новые принципы организации и более разработанная методика полевых исследований.

Углубление этнографических исследований, постановка сложных научных проблем требуют в ряде случаев обязательного привлечения данных смежных наук, при этом данных, относящихся к тем же районам и к тому же населению, где ведутся этнографические работы. Это вызвало необходимость ввести в практику полевых исследований организацию, помимо обычных этнографических экспедиций и индивидуальных поездок, крупных комплексных экспедиций, в составе которых работают этнографические, фольклорные, археологические, антропологические, картографические, лингвистические и другие отряды.

Вместе с тем характерной чертой организации полевых исследований в современных условиях является координация их с работой научно-исследовательских учреждений тех национальных республик и областей, где ведутся полевые работы, и осуществление совместных с ними экспедиций.

* * *

Организация комплексных экспедиций в послевоенные годы прочно вошла в практику Института этнографии АН СССР. Этнографические, археологические, антропологические и лингвистические работы вела Северо-восточная экспедиция. В составе трех отрядов — этнографического, фольклорного и антропологического работала Закарпатская экспедиция. Комплексными были уже завершившие свою работу экспедиции Дагестан-

* Доклад, прочитанный на этнографическом совещании 15 мая 1956 г.

ская, Памиро-Ферганская, Киргизская и в Коми АССР. Продолжают многолетние комплексные работы Хорезмская, Саяно-Алтайская, Прибалтийская, Мордовская экспедиции. Комплексные экспедиции организуют и академии наук союзных республик.

Участие в полевых исследованиях ученых разных специальностей позволяет шире поставить и с большей глубиной осветить изучаемые вопросы.

Второе пятилетие ведет свои работы Саяно-Алтайская экспедиция, в составе которой имеются этнографические, антропологические и археологические отряды. Основной задачей экспедиции является изучение процессов национальной консолидации народов Южной Сибири. Выясняя исторический путь развития этих процессов у ряда отсталых в прошлом народов (хакасов, тувинцев, алтайцев), этнографы вместе с антропологами и археологами провели углубленное исследование этнического состава и этнической истории народов Саяно-Алтайского нагорья; в результате в составе хакасов выявлены, помимо тюркских, кетские, самоедские, монгольские компоненты и установлен ряд других фактов, важных для разработки вопросов этногенеза. Проводившиеся параллельно археологические работы, в частности открытие древних наскальных изображений и изваяний древнетюркского времени (VII—IX вв.) в высокогорных районах южной и западной Тувы, позволяют поставить ряд важных вопросов, касающихся историко-культурных связей народов Саяно-Алтайского нагорья, а также их религиозных представлений.

В настоящее время обрабатывает материалы трехлетнего изучения этногенеза киргизов Киргизская экспедиция Академии наук СССР и Академии наук Киргизской ССР, в которой участвовали, помимо этнографических, археологические, антропологические и лингвистические отряды, а также — картографический отряд. Сопоставление данных, собранных участниками различных отрядов, позволяет наметить главные этапы формирования киргизской народности и вносит много нового в распространенную до сих пор концепцию киргизского этногенеза. Выясняется, что в этом процессе, помимо местных племен, играли очень большую роль пришлые центрально-азиатские племена, передвигавшиеся в средние века через Джунгарию; установлено отсутствие преемственности в культуре современных киргизов и древнего населения Чуйской долины (до X в. н. э.); обнаружены значительные аналогии в материальной культуре, обычаях и обрядах киргизов и народов Саяно-Алтайского нагорья; несколько родоплеменных групп оказались связанными своим происхождением с западными тюркскими народами — каракалпаками, ногайцами и другими.

В Хорезмской археолого-этнографической экспедиции обширные археологические материалы систематически дополняются сведениями, собранными этнографическими отрядами, — по родоплеменному составу местного узбекского, туркменского и каракалпакского населения, по истории его расселения, материальной и духовной культуре (в частности, по домусульманским верованиям); это помогает выяснить пути этнического развития и историю формирования культуры народов Хорезмского оазиса и прилегающих к нему степных районов, населенных кочевыми и полукочевыми племенами. Опыт включения в состав этой экспедиции специалистов-географов из Института географии АН СССР дал возможность внести много нового в исследование истории расселения племен и народов Приаралья и северо-восточной Туркмении, начиная с эпохи первобытно-общинного строя. Совместные с географами работы помогли разрешить проблему древнего течения Аму-Дарьи и определить время обводнения протоков ее дельты, Сарыкамышского озера и Узбоя, таким образом, были изучены естественно-географические факторы, которые в значительной мере обусловили этническую историю Хорезма и прилегающих областей. Своеобразной формой комплексных исследований является создание новых отрядов этой экспедиции — археолого-топографических, изучающих иррига-

цию, и археолого-этнографических, изучающих развалины туркменских и каракалпакских поселений, покинутых жителями в XIX в. по разным причинам политического и экономического характера.

Крупные комплексные экспедиции, как показал опыт, целесообразно проводить путем организации совместных полевых исследований Института этнографии АН СССР и республиканских научных учреждений или силами нескольких республиканских научных учреждений. Объединение научных сил и материальных средств, совместное планирование исследований и обсуждение их итогов на сессиях и совещаниях, совместная издательская деятельность дают возможность шире поставить работы, точнее обобщить и быстрее ввести в научный оборот результаты изысканий.

Преимущества создания больших объединенных экспедиций особенно ярко видны на примере одной из самых крупных из них — Прибалтийской, в которой участвуют, помимо Института этнографии, академии наук четырех союзных республик.

Восточная Прибалтика в этническом отношении представляет собой единую область, народы Прибалтики связаны между собой общностью происхождения и позднейшими историческими судьбами. Проблемы этногенеза и этнической истории литовцев, латышей и эстонцев могут найти правильное разрешение только при условии организации объединенных исследований среди этих народов по согласованным программам и темам. Прежде таких исследований не проводилось. До 1917 г. проблемы этногенеза и этнической истории вообще не занимали должного места в этнографии Прибалтики. В годы буржуазной диктатуры в Латвии, Литве и Эстонии этнографическая работа была в значительной мере свернута. Этнографические материалы к решению вопросов этногенеза привлекались очень мало и с неправильных методологических позиций. Помимо того, для этих лет была характерна разобщенность научных работников, замкнутость их не только в пределах республики, но и каждого из учреждений. Нельзя не указать также и на известную тенденциозность исследований, характерную для буржуазной методологии. Так, например, наименее изученными в Прибалтике явились восточные районы, прилегающие к границам РСФСР и БССР. Причиной этого было стремление буржуазных историков умышленно замалчивать и даже отрицать значение связей с славянским миром в формировании культуры народов Прибалтики.

Создание в 1946 г. в советских прибалтийских республиках академий наук привело к некоторому оживлению работы в области археологии и этнографии.

В 1950 г. Институт этнографии АН СССР провел в Москве первое совещание по этнографии Прибалтики; оно положило начало систематическому общению этнографов Москвы, Ленинграда и Прибалтийских республик. На совещании, после долгих лет изоляции, участники обменялись информацией о проводимых исследованиях, наметили направление работ на будущие годы. В развитие пожеланий, высказанных на этом совещании, в 1952 г. по инициативе Института этнографии АН СССР была организована Балтийская антрополого-этнографическая экспедиция, в задачи которой входило исследование вопросов этногенеза и этнической истории народов восточной Прибалтики.

В 1955 г. Балтийская антрополого-этнографическая экспедиция была реорганизована в Прибалтийскую комплексную объединенную экспедицию. В ее состав входит теперь большой коллектив археологов, этнографов, антропологов. Начинают, правда, еще очень медленно, включаться в ее работу языковеды и фольклористы.

Не останавливаясь подробно на результатах этого научного сотрудничества, следует все же отметить значение объединения исследователей центральных и республиканских научных учреждений, которое уже сказалось в области антропологических исследований. Прибалтийские республики можно теперь отнести к числу территорий СССР, наиболее

хорошо изученных в антропологическом отношении. Большого внимания и одобрения заслуживает также опыт совместных этнографических исследований, проводимых отрядами экспедиции. Так, Литовский, Латвийский отряды провели совместное с Северо-западным отрядом Русской экспедиции Института этнографии АН СССР маршрутное обследование, продвигаясь вдоль восточной границы Латвийской и Эстонской республик и северо-западных районов РСФСР. Выход за пределы административных границ республик, изучение пограничных, смешанных по составу населения районов позволяет в наибольшей мере выявлять пути взаимовлияния в культуре народов и общность культурных явлений или, наоборот, обнаруживать их отличия, местную специфику.

Широко вошла в жизнь практика совместного издания трудов объединенных комплексных экспедиций; примерами могут служить Труды Киргизской экспедиции (т. I выходит из печати, подготовлен т. II), Труды Прибалтийской экспедиции (т. I — коллективная монография по этнической антропологии Прибалтики — сдан в издательство, т. II — Очерки по этнографии и археологии Прибалтики — сдается в 1956 г.), Труды Хорезмской экспедиции (т. III, содержащий материалы и исследования по этнографии каракалпаков, находится в печати). Совместно с республиками издаются и монографии, посвященные этнографическому исследованию отдельных колхозов (о таджикском и о киргизском колхозе).

Совместные долготелетние полевые исследования очень благотворно сказываются на росте этнографических кадров на местах: студенты, молодые научные работники и аспиранты получают в экспедициях серьезную практику этнографической работы и часто избирают для своих дипломных работ и диссертаций темы, связанные с порученной им в экспедиции изыскательской работой.

* * *

Для методики полевых исследований за последние годы характерно уменьшение роли индивидуальных этнографических поездок по сравнению с коллективными работами, ведущимися в основном тремя методами: сплошных маршрутных обследований, тематических (как стационарных, так и маршрутных) исследований и стационарного всестороннего изучения. Применение того или другого из этих методов полевых работ зависит от темы и задач исследования и от характера материала, который надо собрать. Одна и та же многолетняя экспедиция может сочетать эти методы (например, после завершения сплошного маршрутного обследования проводить более углубленные тематические и стационарные работы).

Коллективные экспедиционные полевые работы не исключают индивидуальных поездок, которые в отдельных случаях бывают даже более целесообразными (например, при изучении религиозных пережитков).

Сплошные маршрутные обследования, как метод полевых работ, вызваны тем обстоятельством, что для составления обобщающих трудов этнографам нужен научно полноценный, синхронный, достоверный и сопоставимый материал, охватывающий целиком территорию и население данной страны. Это и вызвало к жизни широко применяемый в последние годы метод планомерных сплошных маршрутных этнографических обследований отдельных республик и областей, причем эти обследования должны обязательно сопровождаться составлением подробных этнографических карт. Большое значение при таком методе полевых работ имеет правильно разработанный маршрут; для его составления необходимо учитывать все имеющиеся литературные данные и неопубликованные материалы предшествующих исследований и с наибольшей полнотой выявлять степень этнографической изученности отдельных районов и групп населения. Некоторые экспедиции практикуют при этом составление специальных карт этнографической изученности тех республик и областей, в которых предстоит развернуть маршрутные работы.

Некоторые этнографы правильно сравнивают этот метод с топографической съемкой, производимой одновременно на большой территории. Действительно, например, Киргизская экспедиция во время сплошного обследования северной Киргизии лишь за два сезона (1953 и 1954 гг.) охватила 32 района (в Иссык-Кульской, Тянь-Шаньской, Таласской и Фрунзенской областях), посетила более 150 населенных пунктов, в том числе айлы колхозных животноводов на высокогорных пастбищах, и прошла в общей сложности по своему маршруту свыше 10 тыс. км, обследовав расселение и этнические особенности более двух десятков в прошлом родоплеменных групп киргизов. В 1955 г., работая тем же методом, экспедиция изучала южную Киргизию.

Сплошное этнографическое обследование проводили за последние годы и другие экспедиции Института этнографии АН СССР и академии наук союзных республик: Русская, собиравшая материал для этнографического атласа русского народа в районах, бывших до сих пор «белыми пятнами» на этнографической карте РСФСР (отряды: Орловско-Курский, Северо-восточный, изучавший средний Урал, Северо-западный — Смоленскую, Великолуцкую и другие области, Южный — районы, заселенные донскими, кубанскими и терскими казаками), Хорезмская, Прибалтийская, Дагестанская, Мордовская, этнографическая экспедиция Академии наук Таджикской ССР (работавшая в Гармской и Кулябской областях республики) и другие экспедиции.

Метод сплошного маршрутного обследования применяется, таким образом, прежде всего в малоизученных районах и областях для сбора детального материала по этническому составу и размещению населения (с целью составления этнографической карты) или при рекогносцировочных работах по комплексной программе (с целью получения основных сведений, характеризующих локальные особенности материальной культуры мелких этнографических групп). В результате маршрутных работ ряда экспедиций в Институте этнографии уже имеются детальные и точные карты этнического состава Дагестана, Ферганской долины, Киргизии, Мордовии, Хорезмского оазиса и др; отдельными экспедициями (Русской, Прибалтийской) уже картографируются собранные сведения по материальной культуре для этнографических атласов.

Т е м а т и ч е с к и е п о л е в ы е и с с л е д о в а н и я проводятся в случае сбора материалов для углубленной разработки какой-либо одной из областей культуры или быта изучаемого народа. Они обычно сочетают маршрутные поездки с более или менее длительными остановками в пунктах, где выявляются наиболее интересные и типичные объекты работы по данной теме. Примером могут служить полевые работы для сбора материалов по двум координируемым научными учреждениями СССР темам по современному быту колхозного крестьянства народов СССР — «жилище» и «семейный быт». Маршрут при тематических исследованиях — не сплошной, а выборочный, работы ведутся по специальным программам.

С т а ц и о н а р н ы е п о л е в ы е р а б о т ы практикуются в последние годы преимущественно для изучения современного быта. Этот вид исследований требует длительного и многократного пребывания экспедиции в изучаемом селении или городе.

Сложная задача выявления происшедших за годы Советской власти и продолжающихся в настоящее время процессов преобразования быта рабочих и колхозников требует всестороннего и глубокого изучения их семейной, общественной и производственной жизни. Одним из первых опытов полевых исследований стационарного типа является работа в селе Вирятино Тамбовской области коллектива Славяно-русского сектора Института этнографии АН СССР, подготовившего за три года (1953—1955) историко-этнографическую монографию об этом селе. Этнографы подолгу жили там, выезжали туда в разное время года, в разные сезоны полевых работ, на праздники (советские и религиозные), на свадьбы и проч. Ста-

ционные исследования рабочего быта проводились В. Ю. Крупянской на Урале и А. Г. Трофимовой на Кавказе, а также и сотрудниками других учреждений — А. И. Робакидзе (АН Груз. ССР), А. С. Куницким, М. Т. Ломовой и Л. П. Шевченко (АН УССР).

Длительной стационарной работы требует и изучение религиозных пережитков, ибо тут для успешного сбора материала особенно необходимо большое доверие населения.

Перейдем к вопросам методики разработки основной этнографической тематики.

Изучение материальной культуры в полевых условиях проводится в тесной связи с изучением семейного и общественного быта. Взаимосвязь этих явлений особенно ярко отражается в планировке селений и жилища, при исследовании которых часто выявляются пережиточные формы общественных отношений.

В последние годы стало входить в практику дополнение программ этнографических исследований вопросниками или анкетами. Этим достигается получение, в результате полевых работ, массового, хорошо сопоставимого материала, дающего возможность сравнить изучавшиеся объекты и сделать обоснованные выводы по отдельным важным вопросам. В частности, при изучении жилища широко применяется обследование всего жилого фонда колхозного селения по специальной форме (анкете), учитывающей время постройки, строительный материал, архитектурные особенности, планировку и проч. К анкетному листку прилагаются план и разрез здания, его фотография или зарисовка. Этот массовый материал, дополненный детальными выборочными обследованиями жилища, представляет собой солидный источник для выводов о процессе развития одного из важнейших элементов материальной культуры народа — его архитектуры.

Тематическое изучение жилища проводили Мордовская, Киргизская и Прибалтийская экспедиции. Так, в 1955 г. Мордовской экспедицией было проведено сплошное подворное обследование свыше 1000 усадеб; обследование проводилось по специальной анкете. В Киргизской экспедиции жилища ряда селений изучались по вопроснику, учитывающему особенности жилых домов и усадеб недавно осевших кочевников.

Тематическое обследование жилища на значительной территории Поволжья было проведено доцентом Казанского университета Е. П. Бусыгиным. С недавнего времени анкеты и вопросники стали применяться и при изучении современного семейного быта, но об этом — ниже.

В течение ряда лет обсуждался вопрос о методике исследования главной темы советской этнографической науки — современного быта колхозного крестьянства и рабочих. Это нашло свое отражение и на страницах журнала «Советская этнография». Накопленный Институтом этнографии АН СССР и этнографическими научными учреждениями союзных республик опыт позволяет прийти к заключению, что разработка этой тематики не требует каких-либо принципиально новых методов полевых работ. Вместе с тем необходимо учитывать большую сложность этнографического изучения современной жизни крестьян по сравнению с их дореволюционным бытом. Это обусловлено вовлечением их в крупное социалистическое хозяйство, расширившимися связями с городом и промышленными центрами, ростом культуры и образованием значительной прослойки интеллигенции в крестьянских семьях, большей чем до революции, подвижностью населения, коренным преобразованием старых бытовых устоев и мировоззрения. Разработка вопросов, касающихся влияния новых факторов современности на быт, требует не только сбора более обширного круга материалов, не только углубленных монографических исследований, базирующихся на непосредственном наблюдении бытовых явлений, но и широкого привлечения статистики, применения сплошных посемейных анкетных обследований, изучения бюджетов колхозных хозяйств.

Для более широких обобщений, касающихся процессов преобразования

культуры и быта колхозного крестьянства какого-либо народа, необходимо значительное накопление данных, создание большого числа монографий по разным географическим и экономическим районам. Это должно сочетаться с тематическими маршрутными обследованиями: нельзя колхозы изучать как какие-то островки, изолированные от окружающего населения.

Целью этнографического изучения социалистического быта является не простое описание современного его состояния; основная задача исследования — выявить направление развития народной жизни, а это возможно лишь при изучении явлений в историческом аспекте. Только последовательный историзм дает возможность установить происхождение явлений, причинную зависимость происходящих изменений, объяснить сущность социалистической перестройки быта и выявить причины, ускоряющие или, наоборот, замедляющие процесс развития. Поэтому исследование современного быта колхозной деревни предполагает обязательное изучение жизни данного селения и в дореволюционное время, а также на ранних этапах советского периода. Этнографы в настоящее время широко пользуются не только историко-этнографическим материалом — расспросами населения и записями воспоминаний свидетелей прошлого, но и архивными источниками, как дореволюционными, так и по ранним годам советской эпохи.

При исследовании живого современного быта основной отправной точкой является семья. Особенно плодотворно изучение семьи в ее поколениях, т. е. изучение истории отдельных семей, их хозяйства, материальной культуры, состава и внутреннего строя, быта в разные исторические периоды. Даже этнографическое описание трех поколений одной современной семьи дает существенные результаты. А на Кавказе этнографам, беседовавшим со стариками, возраст которых превышает 100 лет, удалось описать значительно большее число поколений.

Цеонный материал дает также запись биографий отдельных людей — рядовых колхозников, руководителей колхоза и др.

Раскрытие жизненного пути людей разных поколений помогает уяснить процесс формирования социалистического сознания людей и вместе с тем выявить те источники, которые питают пережитки старого мировоззрения в семейном и общественном быту.

Опыт работы с применением посемейных анкет был проведен при изучении русского села Вириятино, а также группы колхозов в Латвийской ССР и отчасти в Литовской ССР. Путем посемейной переписи были собраны сведения о численности семей, их половом и возрастном составе, родственных отношениях, профессии и образовании членов семей, характере их участия в общественном производстве, а также о членах семей, живущих на стороне.

Обобщение данных, содержащихся в посемейных карточках, позволяет зачастую вскрыть такие процессы, которые не обнаруживаются простым наблюдением или опросом.

Однако при статистических разработках анкетных данных следует иметь в виду, что одни только цифры еще ничего не значат: любая таблица требует дополнительных расшифровок и взаимосопоставления. Так, при выяснении численного состава семей в латвийских колхозах Л. Н. Терентьевой был обнаружен большой процент одиноких людей. Для объяснения этого факта потребовалась статистическая разработка посемейной анкеты в других направлениях, в частности, выделение возрастного состава этой группы. Сопоставление полученных данных с социально-экономическими группировками латышского крестьянства раскрыло те процессы, которые происходили еще совсем недавно, при капиталистическом строе, в области семейных отношений. Оказалось, что большинство одиноких людей старших возрастов относится к группе бывших безземельных крестьян и батраков, не имевших прежде возможности в силу безысходной бедности завести семью.

Анкета помогает исследователю переходить от простой констатации фактов к углубленному анализу движущих сил развития. Так, например, обобщение данных по уровню образования и профессии членов семей (в поло-возрастном разрезе) обнаруживает постепенное увеличение в составе колхозной семьи интеллигентской прослойки, оказывающей большое влияние на все стороны материальной и духовной жизни семьи. К тем же выводам приводит и анализ данных о членах семьи, живущих на стороне.

Именно при помощи анкет обнаруживается большая, чем до Октябрьской революции, подвижность сельского населения, не только мужского, но и женского, разнообразие профессий и отраслей применения труда. Данные эти отчетливо вскрывают рост связей деревни с городом и промышленными центрами, что является одним из наиболее действенных факторов социалистической перестройки быта.

Более сложным путем, но все же можно при должном внимании извлечь из посемейных анкет и массовые данные о внутреннем строе семьи. Так, например, проведенная в с. Вирятино посемейная перепись показала, что прежняя неразделенная семья ушла в прошлое; однако из этого отнюдь не следует, что пережитки патриархальных отношений вполне исчезли из семейного быта. Обобщение анкетных данных показало, что в семьях сложных, т. е. когда со стариками-родителями живет женатый сын со своими детьми, главой является старший в семье, даже при условии его глубокой старости и нетрудоспособности. Те же случаи, когда главой семьи — при стариках-родителях — является женатый сын, т. е. представитель младшего поколения, падают за небольшими исключениями на неполные семьи (при старухе-матери, теще).

Анкетное обследование, конечно, не может вскрыть существа современных семейных взаимоотношений, но, обнаруживая фактическое положение вещей, наталкивает исследователя на дальнейшее углубленное изучение.

Посемейное анкетное обследование, содержащее сведения о соотношении в семьях работающих и иждивенцев и о степени их участия в общественном производстве, позволяет более правильно наметить и провести выборочное изучение семейных бюджетов, что очень важно для выявления одной из главных, определяющих сторон быта колхозников — их материального благосостояния.

* * *

Таким образом, последние годы характеризуются применением в этнографической науке новой организации полевых работ (комплексность и координация исследований) и новой методики, выражающейся в сочетании сплошных маршрутных обследований с более углубленными тематическими, как маршрутными, так и стационарными изысканиями. Новым является также широкое введение в практику экспедиций сплошных и выборочных анкетных обследований, отличающихся от принятых в дореволюционной этнографии своей целенаправленностью и принципом совмещения в разработанных вопросниках данных, характеризующих взаимосвязь социально-экономических, культурных и бытовых явлений. Эти принципиально новые моменты в методике, так же как последовательно проводимый историзм в полевых исследованиях, противопоставляемый простой фиксации фактов и описательству, обеспечивают научную ценность полевых материалов. Собранные такими методами этнографические полевые материалы представляют собою источник первостепенной важности, освещающий глубины народной жизни, те стороны исторического процесса, хозяйственной деятельности, быта и культуры многонациональных масс трудящихся Советского Союза, которые не изучаются никакими другими смежными историческими дисциплинами. Полевые этнографические записи — это ценнейшие документы истории советской эпохи, достоверность которых обеспечивается правильной, квалифицированной организацией

полевых работ. Это обстоятельство следует подчеркнуть в связи с имеющейся у некоторых историков тенденцией слепо отдавать предпочтение архивным источникам лишь потому, что они привычным путем «извлекаются из архивов», и относиться с непонятным сомнением к не менее, а подчас и более объективным и достоверным данным полевых этнографических материалов.

В результате повысившегося общего уровня культуры народов СССР возросла активность самого населения в области научных знаний, его стремление к познанию своего прошлого, этнической истории своего народа, путей развития его национальной культуры. Современные информаторы в большинстве случаев хорошо грамотные люди и являются иногда даже соавторами этнографов в их исследованиях.

Так, самое активное участие в работе над монографией по селу Вирятино принял председатель колхоза «Путь Ленина» С. М. Ожогин, явившийся одним из авторов главы об общественном хозяйстве колхоза и на всем протяжении работ экспедиции оказывавший ей помощь своими консультациями. Большую помощь оказали экспедиции и рядовые колхозники, из которых многие оказались прирожденными краеведами, с живым и глубоким знанием истории, культуры и быта своего села. От одного из них — 63-летнего колхозника Е. А. Дьякова экспедицией записано около 100 страниц интереснейшего материала. Вот почему так необходимо очень внимательное и чуткое отношение к информаторам, тщательное разъяснение им задач работы, указание в печатных трудах на их участие в этнографических исследованиях, а вместе с тем в ряде случаев и критическое отношение к сделанным от них записям, в которые могут проникнуть сведения, почерпнутые не из живой действительности, а прочитанные в книгах, услышанные на лекциях, докладах и пр.

Большую помощь в сборе материалов по быту современной деревни оказывают сельские учителя, и экспедициям следует возможно больше вовлекать их в свою работу.

Наряду со значительными достижениями за последние годы наблюдаются и существенные недостатки в полевых этнографических исследованиях. Далеко не по всем разделам этнографической тематики разработаны программы и анкеты, а составленные программы мало обсуждаются и почти не публикуются. Во время экспедиций недостаточно используются квалифицированные специалисты и современная техника для улучшения качества фиксации полевых материалов; так, не во всех экспедициях участвуют архитекторы, художники и даже фотографы; мало применяется такой прекрасный метод этнографической фиксации, как кино; мало используется звукозаписывающая аппаратура; плохо обстоит дело с инструментарием для антропологических работ и т. д.

Весьма ощутимым недостатком общего характера является отсутствие на местах разветвленной сети краеведческих организаций и слабая этнографическая работа местных музеев, зачастую не имеющих специалистов-этнографов в составе своих сотрудников. Между тем краеведческие музеи могли бы оказывать существенную помощь в полевых работах, требующих охвата больших территорий (при сборе материалов для этнографических атласов) или длительных стационарных наблюдений (при изучении современного быта). С другой стороны, участвуя в научных экспедициях, местные музеи получили бы больше возможности для пополнения своих коллекций, для научного роста своих сотрудников.

Неблагополучно положение с обработкой и хранением полевых материалов и с организацией общего пользования материалами совместных комплексных экспедиций: они обязательно должны дублироваться и быть доступными всем участникам экспедиций — как разных научных специальностей, так и работающим в разных научных учреждениях.

Совершенно нетерпимым является такое положение, при котором экспедиции Института этнографии АН СССР и других научных учрежде-

ний на протяжении ряда лет не ведут сбора вещевых этнографических материалов, и им не выделяются средства на приобретение этнографических коллекций.

Вопросы организации полевых исследований и методики их проведения до сих пор не получают должного освещения в этнографической печати. Недостаточно внимания уделяется им и в практической работе этнографов. Давно назрела необходимость регулярно обмениваться опытом полевых исследований, серьезно заняться подготовкой и широкой публикацией методических инструкций, программ, анкет по основной этнографической тематике, как общего характера, так и составленных применительно к разным областям нашей страны и разным народам.
